

Пишем сочинения по
комедии

А.С. Грибоедова

"Горе от ума"

Пишем сочинение
по комедии А.С. Грибоедова
«Горе от ума»

Содержание

Вступление	4
Идейное содержание комедии	7
Сюжет, жанр, композиция	9
Язык комедии	17
Реализм комедии	24
Чацкий	28
Фамусовское общество	50
Фамусов	64
Молчалин	76
Скалозуб	81
Загорецкий	86
Репетилов	87
Тугоуховские	89
Графини Хрюмины	90
Господа N и D	91
Женские образы в комедии	91
Софья	92
Хлестова	96
Лица третьего плана	97
Значение комедии	104

Вступление

Замысел комедии «Горе от ума» возник у Грибоедова в то время, когда в России стали зарождаться тайные политические общества как активная форма протеста против усиления правительственной реакции. Столкновение человека декабристского типа с консервативной и реакционной массой дворянства и было положено Грибоедовым в основу его комедии, что и придало ей социально–политический характер.

Верное понимание Грибоедовым основных противоречий эпохи, исторической закономерности развития жизни обусловило закономерность движения сюжета комедии и ее развязки. Трагедия Чацкого закономерна, исход его борьбы с фамусовским обществом предопределен и обусловлен соотношением борющихся сил. Можно с полным правом утверждать, что Грибоедов создал вполне реалистическую комедию, в которой все, начиная с конфликта, лежащего в ее основе, продолжая всеми образами и кончая языком и деталями, создано на основе принципов реализма.

С. Флоринский

В комедии «Горе от ума» Грибоедов нарисовал картину быта и нравов дворянской Москвы 20–х годов XIX в. С замечательным мастерством он изобразил психологию группы, которая считала себя «сливками благородного сословия» и полагала, что ее взгляды и вкусы – закон для страны. Идеиное содержание комедии далеко выходило за рамки сатирического изображения нравов барской Москвы. Разоблачая уродливые стороны быта и психологии московского дворянского общества, внешний европеизм этого общества, дух «пустого, рабского, слепого подражания», господствовавший в дворянских кругах, Грибоедов остро ставил в комедии почти все общественные проблемы, волновавшие передовую мысль декабристских кругов. Комедия явилась гневным протестом против всего, что порождал феодально–крепостнический строй самодержавной России.

Грибоедов, вращаясь в декабристских кругах, прекрасно знал, что на сцене истории появились новые люди, которые принесли с собой свежие идеи и настроения. Появление этих людей было опасным симптомом для дворянского общества. Оно грозило не только нарушением покоя дворянского быта, но и крушением самых основ дворянского благополучия. Неизбежно назревала борьба двух общественных групп: консервативной, отживавшей свой век, и передовой, выступившей под знаменем новых идей.

Изображая столкновение двух веков – «нынешнего и минувшего», Грибоедов дал в своей бессмертной комедии как целую галерею живых и ярких образов дворянского общества, так и образ нового человека эпохи.

А. Зерчанинов, Н. Колокольцев, В. Литвинов

Комедия «Горе от ума» отражает борьбу дворянской знати с передовой дворянской молодежью 20-х годов XIX в. Автор подчеркивает действенный, заостренный характер этой борьбы.

Расчет передовой части русского общества с «веком минувшим», с веком «покорности и страха» и является основным содержанием пьесы.

В «Горе от ума», с одной стороны, ярко изображается крупнопоместная дворянская верхушка – ее погоня за богатством и чинами, низкопоклонство перед высшими, презренье к низшим, крепостническая идеология, показная мораль, отвращение ко всему передовому, боязнь просвещения, протекционизм, халатное отношение к служебным обязанностям, «пустое, рабское, слепое подражанье» иностранным модам, – с другой стороны, рисуется представитель передовой молодежи, бичующий эту праздную, никчемную, паразитическую жизнь.

Г. Абрамович, Ф. Головенченко

Замысел «Горя от ума» возник у Грибоедова в 1816 году. Непосредственно к работе над комедией драматург приступил позднее. Два акта написаны им во время пребывания на Кавказе в 1821 – 1822 годах. Как вспоминает Е.П. Соковнина, во время отпуска в Москве писатель «продолжал отделявать свою комедию «Горе от ума» и, чтобы вернее схватить все оттенки московского общества, ездил на обеды и балы, до которых никогда не был охотник, а затем уединялся по целым дням в своем кабинете». В Петербурге осенью 1824 года работа была закончена, но и в 1825 году, вплоть до своего возвращения из отпуска, писатель вносил в текст комедии отдельные поправки.

Реакционный лагерь принял «Горе от ума» враждебно. Утверждалось, что содержание комедии якобы не соответствует русской жизни. Комедия была объявлена простым подражанием иностранным пьесам. О грибоедовском герое писалось, что «это мольеровский мизантроп в мелочах и в карикатуре. Язык комедии был назван жестоким, неровным и неправильным.

Блестящую и глубокую характеристику «Горя от ума» дал Пушкин. В своем большом письме Бестужеву поэт отмечает самостоятельность и драматургическое новаторство Грибоедова. По мнению Пушкина, цель комедии – «характеры и резкая картина нравов». В образах Фамусова, Скалозуба, Загорецкого, в рассказе Репетилова об английском клубе

Пушкин усмотрел «черты истинно комического гения».

Восторженно встретили комедию декабристы. Для них она явилась художественным обобщением их собственных идей и чувств. «Горе от ума» было использовано декабристами для пропаганды их политических идей. На квартире декабриста А.И. Одоевского и в других местах комедия переписывалась под диктовку и списки ее распространялись среди молодежи. Таким образом, как автор «Горя от ума», Грибоедов стал выдающимся деятелем дворянского революционного движения.

«Горе от ума» – одно из самых злободневных произведений русской драматургии, блестящий пример тесной связи литературы и общественной жизни, образец умения писателя в художественно совершенной форме откликнуться на актуальные явления современности. Вместе с тем проблемы, поставленные в «Горе от ума», продолжали волновать русскую общественную мысль и русскую литературу много лет спустя после появления пьесы.

На первом плане в «Горе от ума» – барская Москва. Но в разговорах, репликах персонажей возникает и облик столичного, министерского Петербурга, и саратовская глушь, где живет тетка Софьи, и «необозримые равнины», «все та же глушь и степь» широких просторов России, которые представляются воображению Чацкого. В комедии выступают люди самого различного общественного положения: от Фамусова и Хлестовой, представителей московской дворянской знати, до крепостных слуг. А в обличительных речах Чацкого звучит голос всей передовой России.

По замечанию Гоголя, «Горе от ума» было «истинно общественной комедией», «грозным очищением... от сору и дрязгу земли нашей».

Ни одно произведение русской литературы до «Горя от ума» не проникло в такой степени в широкие массы тогдашних читателей. «Сразу поняв ее красоты и не найдя недостатков, – говорит Гончаров, – грамотная масса... разнесла рукопись на клочья, на стихи, полустихия, разве-ла всю соль и мудрость пьесы в разговорной речи, точно обратился миллион в гривенники». Популярность комедии сделала смешным и бессмысленным ее цензурное запрещение, и царское правительство вынуждено было снять его. В 1831 году «Горе от ума» впервые появилось полностью на сцене. В 1833 году вышло также первое отдельное издание комедии на русском языке с многочисленными варварскими цензурными искажениями. Разрешая в таком виде комедию. Николай I, как заметил Герцен, рассчитывал «лишить ее привлекательности запрещенного плода» и прекратить распространение рукописных экземпляров. Только в 1862 году, после падения крепостного права, «Горе от ума» появилось на сцене без существенных искажений.

Чацкий

Фамусовскому обществу, твердо хранившему традиции «века минувшего», противопоставлен Александр Андреич Чацкий, представитель передовых людей «века нынешнего», точнее – того времени, когда после Отечественной войны 1812 года, пробудившей общественное самосознание русского народа, стали возникать и развиваться тайные революционные кружки, политические общества. Чацкий в литературе 20-х годов XIX в. – это самый яркий образ «нового человека», положительного героя, декабриста по взглядам, общественному поведению, моральным принципам, по всему складу ума и души.

Сын покойного друга Фамусова, Чацкий вырос в его доме, в детстве воспитывался и учился вместе с Софьей, под руководством русских и иностранных учителей и гувернеров. Рамки комедии не дали возможности Грибоедову последовательно и подробно рассказать, где учился дальше Чацкий, как он рос и развивался. Мы знаем только, что он человек образованный, занимается литературной работой («он славно пишет, переводит»), что он был на военной службе, затем служил в Петербурге, где завел знакомство и связи с министрами, а потом бросил службу и уехал за границу – «ума искать», по выражению Софьи. Путешествие обогатило Чацкого новыми впечатлениями, расширило его умственный кругозор, но не сделало его поклонником всего иностранного. От этого низкопоклонства перед Европой, столь типичного для

фамусовского общества, предохранили Чацкого присущие ему качества: подлинный патриотизм, любовь к родине, к ее народу, критическое отношение к окружающей его действительности, независимость взглядов, развитое чувство личного и национального достоинства.

Возвратившись в Москву, Чацкий нашел в ней тот же консерватизм, ту же пошлость и пустоту в жизни дворянского общества, которыми отличалась жизнь Москвы и в старые годы. Он нашел в Москве тот же дух морального рабства, подавления свободы личности, который царил в этом обществе и до войны 1812 года.

А так как Чацкий – человек активный, жизнедеятельный, с волевым характером и цельный в своих чувствах, борец за идею, то столкновение его с фамусовским обществом было неизбежно. Это столкновение принимает постепенно все более ожесточенный характер из-за того, что осложняется личной драмой Чацкого – крушением его надежд на личное счастье; его выпады против дворянского общества становятся все более резкими.

Чацкий вступает в борьбу с фамусовским обществом. В речах Чацкого со всей отчетливостью выступает противоположность его воззрений взглядам фамусовского общества.

Если Фамусов – защитник старого века, века Екатерины II, времени расцвета крепостничества, раболепства и низкопоклонничества, то Чацкий с негодованием революционера–декабриста говорит о крепостниках и безобразных проявлениях крепостного права: обмене крепостных на собак, продаже крепостных. В монологе «А судьи кто?» он гневно выступает против тех людей, которые являются столпами дворянского общества. Он резко высказывается против милых сердцу Фамусова порядков екатерининского века, «века покорности и страха – века лестии и спеси».

Идеал Чацкого не Максим Петрович, надменный вельможа и «охотник поподличать», а независимая, свободная личность, чуждая рабской психологии.

Если Фамусов, Молчалин и Скалозуб рассматривают службу как источник личных выгод, службу лицам, а не делу, то Чацкий разрывает связи с министрами, уходит со службы именно потому, что он желал бы служить родине, а не прислуживаться начальству: «служить бы рад, прислуживаться тошно», – говорит он. Чацкий готов служить своей стране, и он делает это, но только не на административной службе. Сам по профессии литератор, он защищает право служить просвещению страны путем научной работы, литературы, искусства, хотя и сознает, как это трудно в условиях реакци-

онного самодержавно–крепостнического режима:

Теперь пускай из нас один,
Из молодых людей, найдется: враг исканий,
Не требуя ни мест, ни повышенья в чин,
В науки он вперит ум, алчущий познаний;
Или в душе его сам бог возбудит жар
К искусствам творческим, высоким и прекрасным, –
Они тотчас: разбой! пожар!
И прослывет у них мечтателем! опасным!!

Под этими молодыми людьми разумеются такие люди, как Чацкий, двоюродный брат Скалозуба, племянник княгини Тугоуховской – «химик и ботаник».

Если фамусовское общество с пренебрежением относится к народному, национальному, рабски подражает внешней культуре Европы, особенно Франции, даже пренебрегая своим родным языком, то Чацкий стоит за развитие национальной культуры, осваивающей лучшие, передовые достижения европейской цивилизации. Он сам «искал ума» во время путешествия по Европе, но против «пустого, рабского, слепого подражания» иностранцам.

Чацкий стоит за единение интеллигенции с народом. Он высокого мнения о русском народе. Называет его «умным» и «бодрым», т.е. жизненно активным, жизнедеятельным.

Если фамусовское общество расценивает человека по его происхождению и количеству крепостных душ, имеющихся у него, то Чацкий ценность человека видит в его личных достоинствах.

Для Фамусова и его круга свято и непогрешимо мнение аристократического общества, они боятся «что станет говорить княгиня Марья Алексевна». Чацкий высказывается за свободу мыслей, мнений, за свободу слова. Он признает за каждым человеком право иметь свои убеждения и открыто их высказывать. Так, он спрашивает Молчалина: «Зачем же мнения чужие только святы?» Он сам выражает свои мысли и взгляды открыто.

Фамусовское общество не видит ни ненормальности, ни социальной несправедливости существовавших порядков жизни, ни искажения человеческой личности в этом обществе. Оно потеряло чувство чести и нравственного достоинства. Чацкий резко выступает против произвола, деспотизма, эксплуатации, против лести, лицемерия, против пустоты тех жизненных интересов, которыми живут консерватив-

ные круги дворянства.

С большой полнотой и четкостью духовное богатство Чацкого выявляется в его языке: в лексике, синтаксисе, интонациях, манере говорить.

Язык Чацкого — это язык прекрасно образованного человека, литератора — художника слова, мастерски владеющего красочной и разнообразной по характеру речью, искусного живописца и музыканта слова.

В богатой и разнообразной лексике Чацкого, способной выразить любое понятие и чувство, дать меткую характеристику любому человеку и затронуть разные стороны жизни, мы редко встречаем народные слова и выражения (давеча, впрямь, пуще, чай, нынче и некоторые другие), но много русизмов: ни на волос любви, она не ставит в грош его, да полно вздор молоть и др. Чацкий ценит старину, и это сказывается в его речи обилием старинных слов и славянизмов: вече, кроме, перст, вперит ум, алчущий познаний и т.п. Иностранные слова он употребляет только в том случае, если для выражения нужного понятия нет соответствующего русского слова: климат, провинция, параллель и т.п.

Синтаксически Чацкий строит свою речь разнообразно. Как оратор, он широко пользуется периодической речью. Как литератор, он включает в свою речь цитаты из художественных произведений; например, в его выражении:

Когда ж постранствуешь, воротисься домой,
И дым отечества нам сладок и приятен! —

последняя строка представляет собою слегка измененный стих Державина:

Мила нам добра весть о нашей стороне;
Отечества и дым нам сладок и приятен.

Ум Чацкого, в частности, его склонность к обобщениям философского характера, сказывается в широком применении им афоризмов, т.е. кратких изречений — характеристик: «Свежо придание, а верится с трудом»; «Блажен, кто верует: тепло ему на свете»; «Дома новы, но пред-рассудки стары» и т.п. Чацкий умеет дать сжатые, но меткие характеристики людям: «Низкопоклонник и делец» (Молчалин); «Созвездие маневров и мазурки» (Скалозуб), «А Гильоме, француз, подбитый ветерком?» и т.п.

Живой, впечатлительный, деятельный, Чацкий придает своей речи разнообразные интонации, отчетливо выражающие его душевное состояние. Радостно взволнованный встречей с Софьей, он «оживлен и говорлив». Его остроты над москвичами в этот момент добродушны, речь его, обращенная к Софье, дышит лиризмом. В дальнейшем, по мере

обострения его борьбы с фамусовским обществом, речь Чацкого все больше окрашивается негодованием, иронией, сарказмом. Словом, в устах Чацкого речь приобретает характер речи то поэта-лирика, то общественного борца, гневно-сатирически обличающего своих противников, то мастера словесного портрета, то философа, создающего меткие и глубокие словесные формулы-афоризмы.

С. Флоринский

И вот в общество, отравленное фальшью и лицемерием, пропитанное предрассудками, попадает человек передовых, благородных взглядов – Чацкий.

Это молодой, образованный дворянин, только что вернувшийся из трехлетнего путешествия. Мы узнаем о нем из комедии следующее. Он не богат, хотя и принадлежит к «известной фамилии». Детство его прошло в Москве в доме Фамусова, друга его покойного отца; здесь он вырос и сдружился с Софьей. Мы не знаем, где и какое он получил образование, но видим, что это человек просвещенный, литератор («он славно пишет, переводит»). Об уме его, остроумии и красноречии говорят и Фамусов, и Софья. Он служил некоторое время в Петербурге, где был даже «с министрами знаком», но порвал со службой («Служить бы рад, прислуживаться тошно») и уехал путешествовать.

Ах! если любит кто кого,

Зачем ума искать и ездить так далеко? –

обиженно восклицает Софья. Но Софья неправа. Стремление «ума искать», т.е. пополнить свое образование, поиски новых форм общественного быта уже сами по себе высоко характеризуют Чацкого, не задумавшегося пожертвовать блестящей карьерой во имя идеи.

Действительно, Чацкий путешествовал недаром. Длительное знакомство с различными странами не только расширило его кругозор, но и обострило восприимчивость к явлениям общественной жизни. Это тотчас сказалось по его возвращении в Москву.

Жизнь московского дворянского общества, знакомая ему еще по впечатлениям детства, поражает Чацкого своим застоем, консерватизмом, пошлостью, пустотой. В ней те же старые предрассудки, что были и десятки лет назад. Чацкий говорит об этих недостатках сначала добродушно-насмешливо. Но чем дальше, тем больше тон его иронии сменяется гневно-обличительным пафосом критика и сатирика.

Выслушав самодовольные рассуждения Фамусова о старине и совет жить и учиться «на старших глядя», Чацкий резко обрушивается на

угодничество, низкопоклонство и раболепство, распространенные в обществе Фамусова. Его поражает контраст, существующий между этими пережитками старины и новыми веяниями передового общества, между «веком нынешним и веком минувшим». В противовес рабскому идеалу фамусовского общества он выдвигает свой идеал – независимой и просвещенной личности, идеал жизни, свободной от рабства во всех его видах. Речи и реплики Чацкого обнаруживают, какая глубокая пропасть лежит между его мировоззрением и взглядами фамусовского общества. Остановимся на взглядах Чацкого на службу, просвещение и крепостное право.

Фамусовское общество служит из-за личных выгод, раболепно прислушиваясь к мнениям вельмож. Чацкий требует службы «делу, а не лицам». Он гордо заявляет:

Служить бы рад, прислуживаться тошно.

Фамусовское общество ценит в образовании только внешний лоск. Стремясь «набрать учителей полки, числом поболее, ценою подешевле», оно не оценивает внутренней сущности образования. Чацкий стоит за истинное просвещение.

Нужно иметь в виду, что когда Чацкий говорит о «молодых», то речь идет о людях, молодых не по возрасту, а по взглядам, по мировоззрению. И Молчалин и Софья – молодые люди, но они живут во власти старых традиций и представлений. Чацкий говорит о передовых людях, об энтузиастах просвещения, подлинных и бескорыстных ревнителях науки и искусства.

Крепостное право было для фамусовского общества нормальным явлением, оно вполне соответствовало классовым интересам дворянства. Чацкий – тоже дворянин и сам имеет около 300–400 крепостных душ. Но имением он управляет явно «оплошно», т.е. не применяет, очевидно, обычных суровых форм эксплуатации крепостных. Его возмущает дворянское «разливание в пирах и мотовстве», источником которого является «грабительство». Особенно страстно он нападает на безобразные проявления крепостного права: обмен крепостных на собак, распродажу крепостных. В монологе его «А судьи кто?» звучит не только негодование гуманного человека, но и протест против крепостного права вообще.

Взгляды Чацкого – взгляды патриота. Он любит «умный, бодрый наш народ» и болеет душой за недостатки родной страны. Одним из таких недостатков он считает и «пустое, рабское, слепое подражанье» дворянского общества иностранцам. Чацкий воссылает мольбы, чтобы оно избавилось, наконец, «от жалкой тошноты по стороне чужой» и чтобы наш народ «хотя по языку нас не считал за немцев». Это борьба за на-

циональное достоинство России. Чацкий в этой борьбе впадает иногда в крайности. Так, он нападает даже на «смешные, бритые, седые подбородки», на западноевропейский фрак. Но в годы подъема народного патриотизма, вызванного недавним разгромом Наполеона, эти крайности были понятны и свойственны не одному Чацкому.

Конечно, не нападки на бритые подбородки и на слова мадам и мадам-муазель привели фамусовское общество в негодование. В речах Чацкого дворянская Москва почувствовала своего идейного врага, носителя совершенно иного мировоззрения. Вот почему общество Фамусова дружно и сплоченно восстает против Чацкого. Какими только названиями оно не осыпает его! Чацкий и «опасный человек», и «карбонарий», и «фармазон», и «бусурман», и «вольтерьянец». Он и «вольность хочет проповедать», он и «властей не признает». Это – конфликт двух мировоззрений.

Чацкий – чужой человек в консервативной Москве. Единственное, что связывает его с ней, это любовь к Софье.

Среди Фамусовского общества Чацкий оказался борцом-одиночкой и потерпел поражение. В этом была его общественная драма как представителя нового века. Грибоедов так разъяснил эту драму: «В моей комедии 25 глупцов на одного здравомыслящего человека». И этот человек, разумеется, в противоречии с обществом, его окружающим, его никто не понимает, никто простить не хочет, зачем он немножко повыше других». Но Чацкий не «немножко повыше других», – он головой выше окружающего общества. Это и обострило его социальную драму.

Одновременно разыгралась и личная драма Чацкого. Софья не оценила его искреннего, восторженного чувства и оттолкнула его. Раздраженный ее холодностью, измученный подозрениями, Чацкий еще более страстно бросает свой вызов обществу. Личное горе переплетается у него с драмой гражданина. Раскрывается самая сложная гамма его переживаний: восторг от свидания с Софьей, надежда на ответное чувство, остроумная критика московских нравов, огорчение, раздражение, разочарование, подозрение, ревность и т.д., вплоть до возмущения и гнева. Мучительное состояние человека, которого не понимает ни любимая девушка, ни общество, лишает его душевного равновесия. Мы видим некоторые странности в его поведении. Он и сам, впрочем, сознает, что «в многолюдстве он растерян, сам не свой», что у него «ум с сердцем не в ладу». В итоге – «миллион терзаний».

Измученный этой борьбой с фамусовским обществом и личным горем, Чацкий восклицает:

Вон из Москвы! сюда я больше не ездук.

Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету,
Где оскорбленному есть чувству уголок! –
Карету мне, карету!

Возникает вопрос, как рассматривать эту заключительную фразу Чацкого? Что это: жест оскорбленного самолюбия? сдача позиций? угроза? Можно с уверенностью сказать, что Чацкий будет искать уголок оскорбленному чувству не в парке своего имения. Такие люди, как Чацкий, – люди действия. Кроме того, Чацкий одинок только в гостиной Фамусова. В жизни у него есть единомышленники: и князь Федор, и двоюродный брат Скалозуба, и все те, кто упражняется «в расколах и безверьи».

Чацкие неизбежны при всякой борьбе нового со старым, передового с консервативным, революционного с контрреволюционным – как борцы с рутинной и носители новых идей.

А. Зерчанинов, Н. Колокольцев, В. Литвинов

В противовес Фамусовым, Скалозубам и Молчалиным в комедии дается образ Чацкого. В Чацком драматург отражает и утверждает новый в русской жизни тип людей.

В начале XIX в. передовой частью дворянской интеллигенции живо воспринимаются идеи независимости личности, гражданских обязанностей человека. Эти идеи, шедшие с буржуазного Запада, становились программой тогдашних лучших людей, определяли их протест против феодально-крепостнического произвола.

Грибоедов в «Горе от ума» и выводит это становящееся типическим явление: писатель указывает на князя Федора, «вперившего в науки» «ум, алчущий познаний», на безымянных молодых людей, «не требующих ни мест, ни повышенья в чин», о которых говорит в своем монологе герой комедии. Назначение этих беглых зарисовок и состоит в том, чтобы указать на типичность образа Чацкого, являющегося представителем многих подобных ему людей.

Он страстно проповедует освобождение человеческой личности, которой «тошно прислуживаться» к «значительным лицам», резко протестует против насилия над человеком со стороны крепостников, пламенно обличает карьеризм, подхалимство, невежество и «пустое, рабское, слепое подражанье» иностранным модам.

В подчинении «чужевластью мод», в «жалкой тошноте по стороне чужой» герой комедии видит одну из причин разобщения дворянства с «умным, бодрым... народом». Народные нравы и обычаи противопоставляются Чацким морали господствующего класса и общественному ус-

тройству феодально–крепостнического государства.

Конечно, проповедь Чацкого не могла поколебать в тех исторических условиях устоев общественной жизни. Крепостное право стояло еще твердо, «как скала», господствовали все те же ученики Максима Петровича. Но, тем не менее, призыв Чацкого, обращенный в комедии к фамусовскому кругу, громко прозвучал среди передовой молодежи того времени и особенно радостно был услышан декабристами.

Г. Абрамович, Ф. Головенченко

Александр Андреевич Чацкий — передовой человек своего времени. Сразу после Отечественной войны 1812 года наиболее образованная и гуманно настроенная часть дворянства, поняв страшный разрыв между мощью русского народа, проявленной им в освободительной войне, и бесправным его положением, стала высказываться против крепостного права и абсолютной монархии и начала объединяться в тайные революционные общества. Чацкий по своим убеждениям, безусловно, близок к декабристам, как был к ним близок и сам создатель этого образа – Грибоедов.

Чацкий, видимо, рано лишился родителей и, будучи сыном умершего друга Фамусова, Андрея Ильича Чацкого, рос и воспитывался в доме Фамусова. Чацкий с нежностью вспоминает о детстве, проведенном вместе с Софьей:

...где возраст тот невинный,
Когда, бывало, в вечер длинный
Мы с вами явимся, исчезнем тут и там.
Играем и шумим по стульям и столам.
А тут ваш батюшка с мадамой за пикетом;
Мы в темном уголке, и кажется, что в этом!
Вы помните? вздрогнем, что скрипнет столик, дверь...

Однако воспоминания о детстве согреты нежным чувством Чацкого именно и только потому, что он провел детство вместе с Софьей, а не потому, что он с благодарностью напоминает о воспитании, полученном в доме Фамусова.

Нет, Чацкий с усмешкой вспоминает указательный перст и колпак учителя, внушавшего им, что для русских без немцев нет спасенья. Тут же, вспоминая, как их воспитывали и обучали, Чацкий высказывает резкое суждение о принятом в Москве воспитании дворянской молодежи:

Что нынче, так же, как издревле,
Хлопочут набирать учителей полки,

Числом поболее, ценою подешевле?
Не то чтобы в науке далеки;
В Россия, под великим штрафом,
Нам каждого признать велят
Историком и географом!

Ясно, что Чацкий настоящее образование получил не от таких «менторов».

Из слов Софьи мы узнаем, что он покинул их дом, где ему уже казалось скучно, и редко у них бывал, затем опять «прикинулся влюбленным, взыскательным и огорченным», а потом поехал «ума искать». Сам Чацкий говорит, что «хотел объехать целый свет, и не объехал сотой доли».

Из разговора с Горичем ясно, что Чацкий был на военной службе; Молчалин напоминает Чацкому о том, что в Москве много говорили о службе Чацкого в Петербурге, о связи его с министрами и о разрыве с ними.

Вот те сведения о прошлом Чацкого, которые автор вкладывает в уста разных лиц, причем еще до появления Чацкого мы уже знаем о нем из разговора Софьи с Лизой и заинтересованы им. О теперешних занятиях Чацкого говорит Фамусов:

Не служит, то есть в том он пользы не находит,
Но захоти – так был бы деловой.
Жаль, очень жаль, он малый с головой,
И славно пишет, переводит.

После длительного путешествия Чацкий спешит в Москву для встречи с любимой девушкой. Любовь его к Софье – чувство искреннее, горячее; он прямо и откровенно говорит о нем. Ему хочется верить в ответное чувство Софьи. Поэтому он убеждает себя в том, что Молчалин не может быть ею любим; подозрение о Скалозубе как герое ее романа тоже быстро отпадает.

Еще Пушкин отметил, что это неверие в любовь Софьи к Молчалину чрезвычайно натурально, естественно для влюбленного.

Только в самом конце Чацкий понял, как глубоко он заблуждался. Он поверил в то, что Софья любит Молчалина только тогда, когда сам случайно явился свидетелем свидания Софьи с Молчалиным и сцены объяснения Молчалина с Лизой. Софья за три года разлуки с Чацким изменилась внешне – к лучшему («В семнадцать лет вы расцвели прелестью, неподражаемо, и это вам известно»), внутренне – к худшему, но Чацкий ослеплен любовью и не видит этого изменения.

При первом же появлении Чацкий объясняется Софье в любви, он оживлен свиданием, говорлив, перебирает старых знакомых, шутит пока

Хлестова, Молчалин, графиня–внучка. Наталья Дмитриевна живо поддакивают Фамусову, каждый приводя свой довод, а Загорецкий добавляет: «Безумный по всему».

Так, благодаря драматургическому мастерству Грибоедова, переплетаются и взаимопроникают личная и общественная драма Чацкого.

Тяжело переживает Чацкий разочарование в любви и в любимой девушке, в запальчивости упрекая ее даже и в том, в чем она не была перед ним виновата:

Зачем меня надеждой завлекли?
Зачем мне прямо не сказали,
Что все прошедшее вы обратили в смех?!
Что память даже вам постыла
Тех чувств, в обоих нас движений сердца тех,
Которые во мне ни даль не охладила,
Ни развлечения, ни перемена мест...
Сказали бы, что вам внезапный мой приезд,
Мой вид, мои слова, поступки – все противно, –
Я с вами тотчас бы сношения пресек...

«Тут что ни слово – то неправда, – говорит Гончаров. – Никакой надеждой она его не завлекала. Она только и делала, что уходила от него, едва говорила с ним, призналась в равнодушии...

Он в ярости, за собственное свое бесполезное унижение, за напущенный на себя добровольно самим собою обман, – казнит всех, а ей бросает жестокое и несправедливое слово:

«С вами я горжусь моим разрывом!»

Личная драма Чацкого, придающая движение всему сюжету, с первого появления героя на сцене и до конца пьесы проходит перед нашими глазами, углубляясь и осложняя общественную его драму, ожесточая Чацкого все более и более, способствуя возрастающей резкости его выпадов против всей дворянской Москвы.

В этой критике нравов и взглядов фамусовского общества совершенно ясно проявляется, и против чего резко выступает Чацкий, и каковы его собственные идеалы, которые он провозглашает и отстаивает.

Что же так возмущает Чацкого?

Прежде всего, – крепостное право, право дворян–помещиков жить за счет труда своих крепостных и обращаться с ними по своему усмотрению: держать их впроголодь (помещик–театрал, крепостные–актеры которые тощи, а он сам толст), разлучать детей с родителями, распро–

давать их поодиночке (другой помещик–театрал), выменивать на собак («Нестор негодяев знатных»).

Гневно обличает Чацкий неправый суд, который защищает «грабительством богатых», людей, имеющих влиятельных друзей и родственников.

Он негодует на то, что образцами, судьями в обществе признаны те, кто ненавидит свободную жизнь и черпает суждения из забытых газет, или те, кто укрывает расшитым мундиром свое слабодушие и нищету рассудка.

Когда Фамусов говорит, что после пожара в Москве «дороги, тротуары, дома и все на новый лад», Чацкий отвечает:

Дома новы, но предрассудки стары.

Порадуйтесь, не истребят

Ни годы их, ни моды, ни пожары.

Чацкого возмущает та основа, на которой держится весь государственный аппарат, – служба лицам, а не делу, чиновничество, семейственность, бюрократизм.

Чацкий пробовал служить, но при таких порядках не смог. Когда Фамусов ставит ему условия, при которых могло бы быть возможным сватовство Чацкого к Софье: «во-первых: не блажи, именем, брат, не управляй оплошно, а главное, поди-тка послужи», – Чацкий, который, конечно, никогда не поступится своими взглядами, даже если от этого будет зависеть его личное счастье, отвечает: «Служить бы рад, прислуживаться тошно». «Молчалины блаженствуют на свете!» – с горечью восклицает он.

Чацкий защищает право служить «делу, а не лицам». Он клеймит презрением людей, стремящихся

У покровителей зевать на потолок.

Явиться помолчать, пошаркать, пообедать,

Подставить стул, поднять платок.

В ответ на это напуганный Фамусов восклицает: «Он вольность хочет проповедать!»

Рабская мораль низкопоклонников, не имеющих еще высокого чина и не смеющих «свое суждение иметь» потому, что «надобно зависеть от других», неприемлема для Чацкого. Он не понимает, как могут быть «мнения чужие только святы». Он сам свободно и прямо высказывает свои мнения, защищая тем право человека самостоятельно мыслить и высказываться.

Смело осуждая признанные московские авторитеты – Фому Фомича,

Татьяна Юрьевну, Чацкий показывает пример того, как нужно судить о людях не по их положению в свете, а по их взглядам и нравственным качествам,

Чацкого возмущают такие люди, как Репетилов и его приятели. Он прерывает поток речей Репетилова резким замечанием: «Послушай! ври, да знай же меру».

Открыто высказывает он возмущение людьми фамусовского лагеря, находя для каждого меткое, уничтожающее слово.

Крепостникам и низкопоклонникам, врагам свободной жизни и сторонникам старых порядков – в имениях и на службе – Чацкий противопоставляет новых людей.

Чацкий на себе испытал, как непримиримы дворяне-крепостники к таким людям. Фамусов предрекает, что Чацкого отдадут под суд, и называет его «карбонари» и «опасный человек»; графиня-бабушка говорит, что он «пошел в пусурманы», «к фармазонам в клуб», и называет его «окаянным вольтерьянцем»; все единогласно объявляют его сумасшедшим.

Страстное негодование Чацкого вызывает преклонение перед всем иностранным.

Графине-внучке, сетующей на то, что русские дворяне, побывав за границей, там женятся на «искусницах модных лавок», Чацкий отвечает:

Несчастные! должны ль упреки несть
От подражательниц модисткам?
За то, что смели предпочесть
Оригиналы спискам?

Так Чацкий язвительно отзываясь о московских модницах, старающихся подражать заграничным оригиналам.

Когда на балу Чацкий сознается Софье, что ему

...мочи нет: мильон терзаний
Груди от дружеских тисков,
Ногам от шарканья, ушам от восклицаний,
А пуще голове от всяких пустяков... –

Софья спрашивает, что его так гневит. В ответ Чацкий произносит свой знаменитый монолог. Его возмущает, что французик из Бордо рассказывал, как он собирался «в Россию, к варварам, со страхом и слезами» и как был приятно удивлен, почувствовав себя в Москве, как в своей провинции, и встретив со стороны московских дворян восторженное отношение. Особенно возмущает Чацкого то пренебрежение, с которым многие московские дворяне относятся к национальной культуре, языку, к русскому народу. Чацкий иронически пересказывает мнения дворян:

Как европейское поставить в параллель
С национальным – странно что–то!
Ну как перевести мадам и мадмуазель?
Ужли сударыня!

Всю страсть души своей Чацкий вкладывает в обличение «пустого, рабского, слепого подражания».

Он призывает сильных душою людей «словом и примером нас удержать, как крепкою вожжей, от жалкой тошноты по стороне чужой». Чацкий говорит:

Ах! если рождены мы все перенимать,
Хоть у китайцев бы нам несколько занять
Премудрого у них незнания иноземцев.

Казалось бы, здесь мы видим крайность, вызванную другой крайностью. Однако Чацкий ни в коем случае не утверждает, что незнание иноземцев вообще «премудро».

В том же монологе Чацкий говорит о пренебрежении к русскому платью и об увлечении иностранными модами. Чтобы правильно понять эти слова, следует обратиться к показанию самого Грибоедова по этому вопросу на следствии во время его ареста.

Декабрист А.Бестужев показал на следствии: «С Грибоедовым, как с человеком свободомыслящим, я нередко мечтал о желании преобразования России... Да и он как поэт желал этого для свободы книгопечатания и русского платья».

Когда Грибоедова спросили, в каком смысле и с какой целью он говорил об этом А.Бестужеву, он ответил:

«Русского платья желал я, потому что оно красивее и покойнее фраков и мундиров, а вместе с этим полагал, что оно бы снова сблизило нас с простотою отечественных нравов, сердцу моему чрезвычайно любезных».

Всем людям, забывшим, что они русские, находящимся под «чувевластьем мод», Чацкий противопоставляет простой русский народ, называя его умным и бодрым.

Противопоставляет Чацкий всем этим галломанам и передовых дворян, «кто недруг выписных лиц, вычур, слов кудрявых». Эти передовые дворяне, единомышленники Чацкого, осмеливаются «гласно объявлять» свои здравые мысли, но таких–то людей и объявляют московские дворяне «опасными», «мечтателями», «вольтерьянцами».

Непростительным считает Чацкий то, что дворяне, преклоняющиеся перед всем иностранным, создали пропасть между собою и народом.

Сам Чацкий говорит живым, метким русским языком. Он считает, что язык русский нельзя отдавать «в обмен на новый лад», наряду с нравами и «старинной святою». Его речь — это речь передового русского человека, речь защитника русской национальной культуры.

Чацкий говорит иначе, чем представители фамусовского круга, так как он иначе, чем они, думает. Богатство, широта мира его чувств и переживаний отразились в его речи — это литературная речь образованного человека.

По-видимому, Чацкий занимался литературным трудом. Мы убеждаемся в том, что он обладает необходимыми для этого данными: наблюдательностью и меткостью суждений, умением в нескольких словах дать яркую и убедительную характеристику, образной литературной речью. Чацкий — мастер едких афоризмов, эпиграмм — и в то же время художник, умеющий тонко выразить свои чувства.

Чацкий — прекрасный оратор, обладающий даром убеждения, горячий, страстный в своих чувствах: гневе, возмущении, иронии, горечи, надежде, любви, сомнении, презрении.

Лиза говорит о нем:

Кто так чувствителен, и весел, и остер,
Как Александр Андреич Чацкий!

И Софья соглашается:

Остер, умен, красноречив,
В друзьях особенно счастлив...

Остроумие, красноречие Чацкого может быть подтверждено множеством примеров. Достаточно привести его афоризмы, меткие выражения, иронические характеристики: «Блажен, кто верует, тепло ему на свете!», «Учителей полки, числом поболее, ценою подешевле», «Ваш дядюшка отпрыгал ли свой век», «Смешенье языков: французского с нижегородским», «Служить бы рад, прислуживаться тошно», «Свежо предание, а верится с трудом», «Кто служит делу, а не лицам», «Ах! тот скажи любви конец, кто на три года вдаль уедет», «Дома новы, но пред-рассудки стары», «Прошедшего житья подлейшие черты», «Амуры и Зефиры все распроданы поодиночке», «Хрипун, угнетенник, фагот, со-звездие маневров и мазурки» (о Скалозубе), «Вон он, на цыпочках, и не богат словами» (о Молчалине), «Чины людьми даются, а люди могут обмануться», «Я глупостей не чтец, а пуще образцовых», «Окромче честности, есть множество отрад; ругают здесь, а там благодарят», «Нечистый этот дух пустого, рабского, слепого подражанья», «Ври, да знай же меру» (Репетилову), «Уж коли горе пить, так лучше сразу, чем медлить,

а беды медленьем не избыть», «Молчалины блаженствую на свете!», «Муж–мальчик, муж–слуга, из жениных пажей высокий идеал московских всех мужей», «Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок!.. Карету мне, карету!».

Чацкий, видимо, хорошо знаком с литературой, он почти точно цитирует Державина: «И дым отечества нам сладок и приятен» (у Державина в стихотворении «Арфа»: «Отечества и дым нам сладок и приятен»).

В пылкой речи Чацкого мы находим приемы ораторской речи, риторические вопросы и восклицания:

Слепец! я в ком искал награду всех трудов!
Спешил!.. летел! Дрожал! вот счастье, думал,
близко...
...А вы! о боже мой! кого себе избрали?
Когда подумаю, кого вы предпочли!
...С кем был! Куда меня закинула судьба!
Все гонят! все клянут! Мучителей толпа...
...А судьи кто? – За древностию лет
К свободной жизни их вражда непримирима...
...Мундир! один мундир! он в прежнем их быту
Когда–то укрывал, расшитый и красивый,
Их слабодушие, рассудка нищету...

Обличительный пафос речи Чацкого отвечает существу его прямой и страстной натуры. Это ярче всего проявляется в его обличительных монологах и метких афоризмах.

Речь Чацкого, как речь художника, образна. В этом отношении особенно характерен его короткий монолог–раздумье, когда Чацкий, вспоминая первый день, проведенный в Москве, сравнивает свое чувство с тщетными надеждами путника, едущего по необозримой степи. В этом монологе глубокое и грустное раздумье выражено образно и эмоционально.

Речь Чацкого богата интонациями, насыщена идиомами, оборотами, свойственными русской народной речи. Эти обороты органически входят в литературные книжные обороты.

Так Грибоедовым осуществляется то требование сближения литературного языка с разговорным народным, которое он выдвигал вместе с поэтами–декабристами и которое они отстаивали в борьбе с поклонниками стиля Жуковского.

Таковы выражения Чацкого: «Мы мочи нет друг другу надоели», «Тот сватался – успел, а тот дал промах», «А этот, как его...», «Куда ни сунься»,

«Ужли слова мои все колки?», «Не приключилось ли печали», «Чай приговаривал», «Она мертва со страху», «Нужды нет», «давиче», «эдак», «напоследок», «с мадамой», «куда деваться», «полно вздор молоть», «коли» (если), «чай, в клубе», «взашей прогнать», «давишной» и целый ряд других.

Интересно отметить, что в речи Чацкого органически слиты и стоят рядом книжные обороты и живые разговорные выражения, например: «Я не об дядюшке об вашем говорю; его не возмутим мы праха: но между тем кого охота заберет» (книжное выражение «не возмутим праха» разговорное – «охота заберет»); «По снеговой пустыне спешу к вам, голову сломя» (в начале – книжный, в конце – разговорный оборот);

«Пред кем я давиче так страстно и так низко был расточитель нежных слов» (народное «давиче» и книжное «расточитель нежных слов»).

Итак, Чацкий не только «славно пишет, переводит», но и замечательно говорит – «говорит, как пишет» (по выражению Фамусова). Его смелые речи всколыхнули косное спокойствие фамусовского общества и вызвали негодование и резкий отпор. Но именно это озлобление общества свидетельствует о меткости и разящей силе слова Чацкого. Речи Чацкого – это суд передового человека над самодержавно-крепостнической, аракчеевской, фамусовской Россией.

К кому же обращены страстные монологи Чацкого?

Они произносятся им или в спорах (словесных поединках) с Фамусовым, или обращены к горячо им любимой Софье, которую Чацкий считает до последних явлений пьесы своей единомышленницей и на ответное чувство которой упорно, вопреки всему, сомневаясь и страдая, надеется.

Сила образа Чацкого – в его пламенной речи. Ведь именно обличающим словом борется он со старым миром. Меткое, разящее слово – его оружие в неравной борьбе с крепостниками – дворянами. Мы видим, каким сильным, действительно разящим оружием оно является по той реакции, которую оно вызывает в фамусовском обществе.

Чацкий ничего не сделал, но он говорил, и за это его объявляют сумасшедшим. Старый мир борется со свободным словом Чацкого, используя клевету.

Конечно, в обществе, где только что толковали об уме Чацкого, не могли поверить в его настоящее сумасшествие.

Вспомним предположение Загорецкого о Чацком:

«Его в безумные упрятал дядя плут, схватили, в желтый дом, и на цепь посадили».

Борьба же Чацкого обличительным словом соответствует тому раннему периоду движения декабристов, когда они считали, что многого можно добиться словом, и ограничивались устными выступлениями.

Однако борьба словом не приводит к победе. Старый мир еще настолько силен и ряды его сторонников так многочисленны, что этот мир побеждает Чацкого, бегущего из дома Фамусова и из Москвы «искать по свету, где «оскорбленному есть чувству уголок».

Итак, порок не наказан, как того требовал классицизм, и добродетель не торжествует в комедии.

Однако остается впечатление моральной победы, одержанной Чацким. Чацкий воспринимается как яркий образ положительного героя своего времени. Декабристы видели в Чацком человека, близкого им по убеждениям. И действительно, взгляды Чацкого на крепостное право, службу, просвещение, на назначение человека и его гражданский долг – это взгляды декабристов – передовых людей эпохи.

Необходимо подчеркнуть, что значение образа Чацкого не только в разоблачении, но и в утверждении, в противовес отвергаемому, новых, передовых идеалов.

Смысл сатиры не только в отрицании, но и в отрицании ради утверждения положительных идеалов. У Чацкого они ясно выражены: он требует освобождения закрепощенной личности, развития национальной культуры, службы делу, а не лицам, свободы мнений, уважения к простому народу, справедливой оценки человека по его качествам, развития науки и искусства, права для человека свободы выбора профессии.

С первого взгляда кажется, что Чацкий совершенно одинок – это так и есть в гостинице Фамусова, но за Чацким тонкими линиями второго плана показаны его сторонники.

Кроме упоминавшихся уже двоюродного брата Скалозуба, князя Федора (племянника княгини Тугоуховской и профессоров Педагогического института, упражняющихся «в расколах и безверьи»), к ним относятся и те студенты, которые обучены этими профессорами, и сторонники «ланкарточных взаимных обучений» с их учениками, обучающимися в этих школах, пансионах, лицеях, от которых Хлестова готова сойти с ума. Вероятно, единомышленников Чацкого подразумевает Софья, когда говорит, что он «в друзьях особенно счастлив». Когда Фамусов говорит: «Все умудрились не по летам», то, очевидно, он подразумевает многих представителей молодежи; о них же, по-видимому, он замечает: «Нынче пуще, чем когда, безумных развелось людей, и дел, и

мнений». Сам Чацкий часто употребляет множественное число: «Теперь пускай из нас один, из молодых людей найдется»; «Где, укажите нам, отечества отцы?» Недруги «выписных лиц, вычур, слов кудрявых», у которых в голове имеются здравые мысли и которые осмеливаются их высказывать, найдутся «и в Петербурге, и в Москве».

Итак, круг единомышленников Чацкого шире, чем кажется на первый взгляд.

Чацкий является образом типичным. Таких людей, как он, в русской жизни было не так уж много, протестовало меньшинство, но Грибоедов понял, что за такими людьми – будущее, и воплотил в образе Чацкого передового человека первого периода освободительного движения в России.

Н. Спицына

Знакомство передовых русских людей с жизнью, философией, историей Западной Европы имело несомненное значение для их идейного развития. Но этот фактор не следует переоценивать. Биография грибоедовского героя свидетельствует, что еще до своего путешествия за границу он сложился как типичный представитель раннего периода декабристского движения. Высокие стремления Чацкого появились задолго до отъезда из Москвы. Его любовь к «высокому», вольнолюбие порождены русской действительностью. Они – выражение его патриотических чувств, благородной вражды к барским нравам, к крепостнической морали. Подобно самому Грибоедову, он видит «не в наслаждении жизни цель», а в служении родине.

Таким образом, Грибоедов впервые в русской литературе раскрыл национально-исторические истоки русского освободительного движения 20-х годов, типические обстоятельства формирования декабриста.

В комедии мы встречаемся уже со зрелым Чацким, у него сложившиеся идеи, определенные нравственные требования.

Чацкий – гуманист, защитник свободы и независимости личности. Рабство, крепостничество вызывает в нем резкий, решительный протест.

Знаменитые слова Чацкого о «распроданных поодиночке» крестьянах имели тем большую силу, что подобные факты были в то время очень распространены. По признанию декабриста Штейнгеля, это место в комедии сильно его взволновало, оно напоминало современникам о подтвержденном в 1820 году Государственным советом праве помещиков продавать крестьян поодиночке, разлучая родных.

Антикрепостническая идеология Чацкого проявляется в высокой оценке характера, нравственных качеств закрепощенного народа. В про-

тивовес клеветническим утверждениям помещиков–крепостников о крепостном крестьянстве Чацкий говорит о бодром, умном, т. е., по фразеологии декабристов, свободолюбивом народе.

В «Горе от ума» сформулирована идея национальной самостоятельности русского народа и решительно отвергнута мысль о подчинении культурного развития России иноземному влиянию. Резкий протест Чацкого вызывает дворянское низкопоклонство перед всем иностранным, французское воспитание, обычное в барской среде. В нем грибоедовский герой видел проявление ненавистного ему аристократического космополитизма, пренебрежения дворян–полуевропейцев к своему родному, русскому.

В комедии отмечается пропасть между дворянско–крепостническим обществом и народом и проводится мысль о громадном значении развития национальной культуры. Чацкий говорит в своем знаменитом монологе о «французике из Бордо» о горячей привязанности простого народа к своей родине, к своим национальным обычаям и языку.

Патриотические идеи Чацкого воплощали революционный патриотизм декабристов, их борьбу за национальную самобытность русской культуры. Так, например, протест Чацкого против «нечистого духа», «пустого, рабского, слепого подражания» прямо перекликается с рылеевским призывом к литераторам «стараться уничтожить дух рабского подражания», царивший в дворянской среде.

Вместе с тем в патриотизме Чацкого нет ничего ограниченного, враждебного передовой культуре других наций. Он коренным образом отличается от лжепатриотизма Фамусова, вызванного боязнью влияния прогрессивных идей западноевропейского просветительства. Понятие подлинной чести патриота, истинного сына отечества неразрывно связывалось у грибоедовского героя с желанием вольности, с ненавистью к самовластью, к крепостникам–вельможам, которые, будучи «грабительством богаты», выдавали себя за отцов отечества.

Рабской морали фамусовых и молчаливых Чацкий противопоставляет высокое, декабристское понимание чести и долга, общественной роли и обязанностей человека. Свободный и самостоятельный образ мыслей вместо безмолвного преклонения перед «мнениями чужими», независимость и гордое достоинство вместо низкопоклонства и лести перед высшим, служение делу, а не лицам во имя чести и блага родины – таковы моральные принципы Чацкого.

Как истинный просветитель, Чацкий страстно отстаивает права разума и глубоко верит в его силу, в силу слова.

Люди, подобные Чацкому, громили старый мир, где только это представлялось возможным. Слово Чацкого было тогда его делом, его заслугой. Оно соответствовало его просветительским взглядам.

В личности Чацкого, во всем его психологическом облике, в страстной вере в силу убеждения, в пламенном и возвышенном красноречии – многое от романтизма 20-х годов. Романтика Чацкого – это романтика декабриста, пламенного патриота, мечтающего о преобразовании жизни своей родины.

Глубоко ошибочно истолкование Чацкого как образа «лишнего человека», беспочвенного мечтателя, одинокого протестанта. Сам Чацкий чувствовал себя человеком «нынешнего века» и отнюдь не сознавал себя одиноким. В знаменитом своем монологе «А судьи кто...» он выступает от имени нового поколения:

Где, укажите нам, отечества отцы...

Вот уважать кого должны мы на безлюдьи!

Вот наши строгие ценители и судьи!

Кто это – «мы»? Кого здесь имел в виду Чацкий? «Судьям», которые непримиримы к «свободной жизни», он противопоставляет молодое поколение, идущее другими путями. Вот образ «одного из нас, молодых людей». Как представляет себя грибоедовский герой, это

...враг исканий,

Не требуя ни мест, ни повышенья в чин,

В науки он вперит ум, алчущий познаний;

Или в душе его сам бог возбудит жар

К искусствам творческим, высоким и прекрасным...

За Чацким стояло целое поколение передовой русской молодежи.

Романтическое вольнолюбие Чацкого, его вера в людей, в силу разума, в близость свободы сталкиваются с реальной крепостнической действительностью, со страшным миром фамусовых и молчалиных. С горячим сочувствием раскрывает автор и личную и общественную драму своего героя.

С. Петров

Главный герой комедии – Чацкий – человек образованный в истинном смысле этого слова. Побывавши за границей и серьезно поучившись, Чацкий понимает всю ложь направления московского общества, видит, насколько низки его духовные интересы, сколько вреда приносит внешнее усвоение европейской цивилизации. Он является борцом за национальные начала жизни и решительно восстает

против раболепства перед иностранцами, причем иногда, как увлекающийся человек, доходит до крайностей, как это видно из его пламенной речи, произносимой на балу у Фамусова.

Крайностью в ней являются нападки на европейский костюм, но надо помнить, что такие нападки вызываются исключительно внешним характером подражания иноземцам. Крайностью следует признать и желание подражать китайцам в незнании иноземцев, тем более, что и сам Чацкий ездил за границу «ума искать», так что в его словах нельзя видеть истинного стремления совсем оторваться от Запада, а надо на них смотреть, как на резкий протест против одностороннего и чрезмерного подражания. Однако уже далеко не крайностью представляются заключительные слова его речи, в которых звучит вполне нормальное желание сблизиться с родным народом, и в этом Чацкий более всего подходит к умственному течению, которое известно под названием славянофильства.

Желание сблизиться с народом есть источник серьезных общественных взглядов Чацкого: для него служба не есть одно средство составлять карьеру, а есть серьезное дело на пользу народа. Не может он также не восставать и против крепостного права: ярко рисует он те злоупотребления, то принижение личности крестьян, тот произвол помещиков, которые происходили от этого тяжелого явления русской жизни.

Внешним образом в своей борьбе с фамусовским обществом Чацкий терпит поражение, он вынужден удалиться «искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок»; но истинная победа за ним, его идеалы должны восторжествовать в будущем, когда на общественное поприще выступят другие деятели, пробужденные его горячей проповедью просвещения. У Чацкого уже есть и единомышленники. Скалозуб жалуется, что брат его оставил службу, не дождавшись чина, и стал читать книги. Одна из старух ропщет, что племянник ее, князь Федор, занимается химией и ботаникой.

В то время, как создавалось «Горе от ума», действительно были такие люди. Это были провозвестники новых могучих течений русской мысли, тех течений, которым суждено было развиваться в 40-х годах XIX века и которые привели к приснопамятной эпохе реформ.

Значение комедии

«Горе от ума» по богатству своего содержания и художественности формы явилось комедией исключительной, до того времени небывалой и в русской и в западноевропейской драматургии. Ее значение необычайно велико.

Прежде всего, комедия очень важна в познавательном отношении. «Горе от ума» представляет собой реалистически написанную широчайшую картину жизни России после Отечественной войны 1812 года.

В богатой галерее образов, данных в комедии, со всей отчетливостью предстают перед нами и чиновничий мир, и светское дворянство, и крепостники–помещики, и передовые люди декабристского типа.

В комедии подняты все остро стоявшие в то время вопросы: о крепостном праве, о службе, о просвещении, о дворянском воспитании; нашли свое отражение злободневные споры о суде присяжных, о парламентарной системе, о пансионах, институтах, о взаимном обучении, о цензуре и т.п. Преддекабрьская эпоха освещена всесторонне.

Не менее важно и воспитательное значение комедии. Подойдя к освещению жизни с революционно–декабристских позиций, Грибоедов в своей комедии подверг резкой критике мир насилия, произвола, невежества, подхалимства, лицемерия; со всей отчетливостью и убедительностью показал, как гибнут в этом мире, где господствуют Фамусовы и Молчалины, лучшие человеческие качества. Своей комедией Грибоедов возбуждал ненависть и признание к людям такого типа, как члены фамусовского общества, клеймил добровольное холопство, молчалинство во всех его видах. Духом борьбы за настоящего человека, за его достоинство, за русскую национальную культуру пронизано замечательное произведение Грибоедова. В лице Чацкого дан образ положительного героя, революционера–декабриста, общественного борца за передовые идеи, за лучший социальный порядок, за правду.

«Горе от ума» было использовано декабристами в их революционной борьбе против самодержавно–крепостнического режима. Комедия играла роль художественной прокламации.

Особенно велико и важно значение комедии в историко–литературном плане. Это значение определяется, прежде всего, ее реализмом.

Уже в своей композиции «Горе от ума» разрушило правила комедии классицизма, ее условность и схематизм. По своему же содержанию комедия Грибоедова является произведением строго реалистическим. Этот реализм проявляется:

– в зарисовке социальной действительности, в верно и правдиво нарисованной картине жизни. Грибоедов черпал материал для своей комедии из живой жизни московского дворянства 10–20–х годов XIX в. и воспроизвел ее как художник–реалист;

– в полноте и всесторонности обрисовки героев комедии. Каждый из них не воплощение какого–либо одного порока или добродетели, а живой человек, наделенный разными качествами.

Грибоедов как гениальный писатель–реалист показал человека в одно и то же время и как своеобразную личность, обладающую особой индиви–

дуальностью, и как лицо типическое, закономерно выросшее в определенных социальных условиях. Социальная жизнь формирует характеры героев Грибоедова и определяет их поведение. Оставаясь вполне своеобразными людьми, герои Грибоедова представляют в то же время типическое обобщение огромной силы. Поэтому имена его героев стали нарицательными, синонимами бюрократизма (фамусовщина), подхалимства (молчалинство), грубой и невежественной военщины (скалозубовщина), гонящегося за модой либерального пустословия (репетитовщина).

Создавая образ, Грибоедов разрешил важнейшую для писателя-реалиста задачу речевой характеристики героя, т.е. задачу индивидуализации языка действующих лиц. В комедии Грибоедова каждое лицо говорит свойственным ему живым разговорным языком, что было особенно трудно сделать потому, что комедия написана стихами. Но Грибоедов сумел придать стиху –разностопному ямбу – характер живой непринужденной беседы. Прочитав комедию, Пушкин сказал: «О стихах не говорю – половина должна войти в пословицы». Слова Пушкина оправдались и в нашу разговорную речь вошло много стихов из комедии Грибоедова, например: «счастливые часов не наблюдают», «и дым отечества нам сладок и приятен», «свежо придание, а верится с трудом», «подписано, так с плеч долой!», «блажен, кто верует, тепло ему на свете» и многие другие.

Художественный реализм и мастерство писателя-гражданина, смело выступившего на борьбу с социальными язвами своей эпохи, обусловили судьбу комедии «Горе о ума». Не пропущенная при жизни Грибоедова на сцену театра, она стала достоянием тысяч людей в рукописном виде и сыграла большую роль в развитии революционного движения в нашей стране. Поставленная в первый раз на сцене театра (в Петербурге) 26 января 1831 г., комедия «Горе от ума» не сходит со сцены и в наши дни.

С. Флоринский

Грибоедов остался в истории русской литературы автором единственного произведения – комедии «Горе от ума». Но комедия эта правильно называется «жемчужиной русской драматургии».

«Горе от ума» имеет для нас двойную ценность. Прежде всего, русское общество всегда будет с уважением вспоминать ту роль, какую сыграло произведение Грибоедова в истории революционной борьбы в России. Сила протеста против крепостнической системы, заложенного в комедии, была так велика, что декабристы недаром рассматривали ее

как документ политической пропаганды. Но значение комедии определялось не только сатирической обрисовкой быта и нравов крепостнической России. В ней нашла выражение и положительная программа эпохи. Агитационная сила комедии заключалась в том, что, разоблачая недостатки крепостнического общества, она в то же время утверждала пафос любви к отечеству, призывала к борьбе за иной общественный строй. Образ Чацкого, «трепещущего от негодования и полного мечтательных идеалов», был образом, который заставлял общество думать о программе дальнейшей революционной борьбы, о необходимости радикального переустройства общественного порядка.

В этой общественно-историческое значение комедии.

Но и после падения крепостного права комедия продолжала выполнять свою важную общественную роль как обличительница косных бытовых нравов – «молчалинства», «репетитовщины», «скалозубовщины» и т.п., как призыв к борьбе со всем, что мешает движению вперед.

Художественная ценность комедии огромна. Имена героев ее стали нарицательными. Пословицы и поговорки ее вошли в русскую разговорную речь. Когда-то, еще в 1825 г., А.А. Бестужев писал в «Полярной звезде»: «Рукописная комедия «Горе от ума» – феномен... Будущее оценит достойно сию комедию и поставит ее в число первых творений народных».

Предсказание это полностью оправдалось.

А. Зерчанинов, Н. Колокольцев, В. Литвинов

Общественно-политическое значение комедии очень велико. В ней Грибоедов изобразил жизнь России после Отечественной войны 1812 г.

Конкретная историческая действительность изображена Грибоедовым с точки зрения умного, наблюдательного передового человека, близкого по своим взглядам к декабристам.

Грибоедов, вместе с Пушкиным, утверждал в русской литературе связь ее с освободительным движением в России. В художественных образах комедии воплощена борьба нового со старым. И хотя в комедии старый мир побеждает количеством, – ему уже нанесен сильный удар той новой силой, которой принадлежит будущее.

Грибоедов сумел своей комедией возбудить негодование к отвратительным сторонам жизни крепостной России, где одни люди торговли другими людьми, где можно было «арапку-девку» выиграть в карты или купить на ярмарке, где крепостных обменивали на борзых собак и называли не иначе, как Петрушками, Фильками, Фомками, чурбанами и ослиами, где крепостные молили судьбу, чтобы она избавила их от гнета и

от любви их владельцев, где крестьяне за любую провинность, без суда могли попасть в Сибирь – на каторгу или на поселение.

В этом гневном протесте против крепостного права – огромное значение «Горя от ума».

Все, что порождено крепостным строем, обличается в пьесе: бюрократическая чиновничья система, где все построено на протекции и низкопоклонстве; безгласие низших чинов и полная беспринципность – от низших до высших, богатство сильных, грабящих слабых; безделье пресыщенных бар; оценка людей в прямой зависимости от состояния и чина; мораль крепостников, для которых вполне естественно их положение владельцев живых душ и кажется беззаконной, в высшей степени опасной защита прав этих людей, настолько опасной, что проповедь свободы для человека определяется как сумасшествие.

Идейный смысл комедии, выраженный в мастерски нарисованных образах, доходил до сознания читателей и заставлял их делать определенные выводы. Недаром пьеса была использована декабристами как средство революционной пропаганды.

Образ положительного героя, нового человека по своим взглядам, высокой морали, искренности возбуждал симпатию и сочувствие передовых людей. Идеи свободы личности, просвещения и гуманности, призыв служить делу, а не лицам, изучать науку, служить искусству – все эти положительные идеалы Чацкого находили отклик в сердцах современников, будили их мысль.

Литературное значение бессмертной комедии огромно. Грибоедов своим «Горем от ума» утверждал развитие критического реализма в русской литературе, и в частности, в драматургии. Он продолжал и развивал то лучшее, что характеризовало русскую литературу XVIII века: высокую идейность и горячий гражданский пафос Радищева, сатирическую направленность журналов Новикова, реализм в изображении человека и среды в комедиях Фонвизина. В области языка и вольного стиха Грибоедов многому научился у Крылова.

В чем же заслуга самого Грибоедова?

Во-первых, в том, как он изображает человека. Классицизм требовал однолинейности в изображении героя.

Грибоедовские герои – это многосторонние, противоречивые человеческие характеры, изображенные с большой полнотой, причем как отрицательные, так и положительные. Так, Фамусов и жесток со слугами, и бездельник, и бюрократ и поборник старины, и враг просвещения, властный барин-крепостник, вместе с тем подобострастный к «тузам»,

и гостеприимный хозяин, и неглупый, а иногда и остроумный человек. В Чацком сочетается принципиальность с пылкостью, которая в личной его драме доводит его иногда до несправедливостей. Это по-настоящему живой человек.

Грибоедов отчетливо показал не только на главных, но и на второстепенных образах роль среды в жизни человека. Читателю совершенно ясно, чем порождены пороки разных героев, их взгляды, отношение к жизни и людям. Именно крепостническая действительность породила жестокость, безделье, самодурство одних и приниженность, низкопоклонство, безгласие других. Последовательно, даже в мелочах, показывает Грибоедов, как меняются люди под влиянием среды; примером может служить Платон Михайлович Горич.

Безусловной и очень большой заслугой Грибоедова является изображение не одного-двух представителей дворянства, а большого круга общества, показанного с исключительным мастерством.

Вся критическая литература о Грибоедове подчеркивает яркую типичность характеров, созданных им. Жизненность образов так поразила современников Грибоедова, что буквально вся Москва отыскивала и находила в своей среде тех людей, с которых могли быть списаны герои Грибоедова. В старухе Хлестовой узнавали московскую властную барыню Н.Д. Офросимову, в Татьяне Юрьевне – влиятельную П.Ю. Кологривову, в Репетилове – болтуна и сплетника Н. А. Шатилова, в «ночном разбойнике, дуэлисте» – известного своими похождениями графа Ф.И. Толстого – «Американца».

Но если бы образы комедии были только фотографиями отдельных людей, они не сделались бы нарицательными. Грибоедов писал Катенину: «...портреты и только портреты входят в состав комедии и трагедии, в них, однако, есть черты, свойственные многим другим лицам, а иные всему роду человеческому настолько, насколько каждый человек похож на всех своих двуногих собратий. Карикатур ненавижу, в моей картине ни одной не найдешь. Вот моя поэтика...»

Портреты, нарисованные Грибоедовым, сосредоточивают в себе типичное, и, вместе с тем, это типичное показано в индивидуальном образе, что делает его еще жизненнее, реальнее.

Так, тупому Скалозубу – типичному представителю аракчеевской военщины – придана склонность создавать и передавать сплетни.

Образом Чацкого Грибоедов показывает, что для той эпохи типично было появление новой, прогрессивной социальной силы, которая вступила в борьбу с реакционными силами старого, отживающего мира

и должна победить его.

В том, какие явления жизни и какие черты людей автор изображает как типичные, проявляются взгляды самого Грибоедова.

Следует подчеркнуть, что Грибоедов умеет выбрать и изобразить типичное как в отрицательных, так и в положительных явлениях жизни.

Образом Чацкого Грибоедов разрешил проблему положительного героя своей эпохи, причем Чацкий у него – не резонер, а живой человек, имеющий реальные черты декабриста.

Грибоедов выполнил и еще одну важную задачу, стоящую перед писателем – реалистом, – задачу речевой характеристики героев.

В композиции пьесы Грибоедов тоже является новатором.

«Горе от ума», несмотря на соблюдение в ней некоторых правил классицизма (действие происходит в течение одного дня и в одном доме), – пьеса глубоко реалистическая. Композиция ее определяется идейным смыслом комедии – противопоставлением двух лагерей, двух социальных сил. Главное в пьесе – не любовная интрига, хотя и она играет большую роль; на первом месте – общественная драма Чацкого, столкновение свободолюбивого, умного героя с реакционным обществом. Но обе линии пьесы, и общественная и личная, развиваются во взаимосвязи, во внутреннем единстве, они взаимопроникают друг друга, и в том, как автор сочетает их, заключается исключительное мастерство Грибоедова.

Характеры раскрываются в поступках, речах и отзывах окружающих. Появление некоторых героев (Чацкого, Софьи, Молчалина, Скалозуба) подготовлено предшествующими разговорами о них, вызывающими у зрителя заранее интерес к ним.

Довольно большое количество монологов в пьесе вызвано необходимостью последовательно и развернуто изложить взгляды действующих лиц – представителей враждебных лагерей.

Грибоедов – мастер диалога, классический образец которого мы находим в разговоре Чацкого с Молчалиным, где, не нарушая музыки стиха, разговаривающие обмениваются короткими репликами, в которых нет ни одного лишнего слова.

Грибоедов разрушил принятый в классицизме принцип обязательного наказания порока и торжества добродетели.

Он не придерживается и строгого разделения на жанры: в «Горе от ума» сочетаются общественная сатира с психологической драмой, комические сцены – с патетическими.

Грибоедов – новатор и в области литературного языка. Он смело ввел в комедию богатый, живой разговорный язык, насыщенный меткими на-

родными выражениями, и умело соединил его с литературным языком.

Взяв многое из народной речи, Грибоедов, в свою очередь, обогатил русский язык большим количеством метких «крылатых» выражений.

Он доказал своей комедией, насколько бессмысленно «смешенье языков: французского с нижегородским», когда русский язык так меток, богат, красочен.

Уже современники Грибоедова отмечали искусство, с которым он живой разговорный язык переложил в стихотворную драматическую форму.

Язык комедии произвел сильнейшее впечатление на Пушкина: «О стихах я не говорю: половина – должны войти в пословицы», – писал он А. Бестужеву 25 января 1825 года.

В развитие самого стиха Грибоедов также внес новое. Классицизм требовал для комедии шестистопного ямба. Грибоедов отверг это требование и использовал ямб очень свободно, начиная с одностопного, пропуская метрические ударения и сохраняя разговорные. Это придает естественность и живость интонаций, простоту и непринужденность разговорной речи.

Освобождение языка и стиха от старых, обветшалых традиций является огромной заслугой Грибоедова.

Итак, Грибоедов во всем – и в исторической конкретности отображения эпохи, и в обрисовке героев, и в композиции, и в языке, и в стихе – явился новатором, писателем, разрушившим условности и схематизм комедии классицизма и создавшим бессмертную реалистическую комедию – «Горе от ума».

«Грибоедов сделал свое, – сказал Пушкин: – он уже написал «Горе от ума». А друг Грибоедова А. Бестужев предсказал: «будущее оценит достойно сию комедию и поставит ее в число первых творений народных».

Герцен, Добролюбов, Чернышевский высоко ценили комедию; от «Горя от ума» идет нить к Лермонтову, Гоголю, Салтыкову–Щедрину.

Герцен, определив образ Чацкого как образ декабриста, в середине XIX в. подчеркивал общественно–политический смысл комедии.

Образ Чацкого служил примером для юного Добролюбова.

Одной из любимых книг Чернышевского было «Горе от ума».

А. М. Горький говорил, что образы «Горя от ума», в которых исторически точно отразилась эпоха, вышли далеко за пределы своего времени.

Тема борьбы нового, передового со старым, косным в жизни общества с течением времени не только не теряла значения, а приобретала все большую остроту.

«Горе от ума» живет и в наши дни. Оно вошло в сокровищницу нашей национальной культуры. Комедия и сейчас не потеряла своей общественной, нравственной и художественно силы.

Бессмертная комедия и сейчас не сходит со сцен театров и волнует советского зрителя.

Н. Спицына

Грибоедов сделал свое дело — он написал «Горе от ума», сказал Пушкин. Глубоко проницательную оценку «Горя от ума» дала демократическая критика, разъяснившая великое значение комедии Грибоедова в русском освободительном движении, в истории русской литературы и театра. Вслед за декабристами и Пушкиным Белинский увидел в «Горе от ума» гениальную русскую комедию, образцовое произведение, а в Грибоедове — «Шекспира комедии». Великий критик-демократ поставил в заслугу Грибоедову тот обличительный и патристический пафос его комедии, который был дорог и декабристам.

Освободительные идеи грибоедовской комедии воспитывали и последующие поколения передовых людей России. Добролюбов видел в Чацком вечного обличителя лжи. Чернышевский считал Грибоедова прямым предшественником Гоголя.

Многие мотивы грибоедовской комедии звучат и в «Маскараде» Лермонтова, и в «Доходном месте» Островского (обличительные высказывания Жадова), и в трилогии Сухова-Кобылина.

Исключительно велико значение комедии Грибоедова в развитии русского театра. «Горе от ума» способствовало победе реализма на русской сцене. Сценическая история «Горя от ума» отразила основные этапы истории русского театра вплоть до нашего времени.

Свободолюбивые и патристические идеи, выраженные в «Горе от ума», высокое понимание чести и достоинства человека, идея общественного долга, благородные чувства, воодушевляющие Чацкого, понятны и близки людям.

Комедия Грибоедова помогает нашей борьбе против низкопоклонства перед всем иностранным, против таких явлений, как карьеризм, подхалимство, бюрократизм, раболепие («не смей свое суждение иметь») и тому подобных порождений старого, крепостнического и буржуазного общества.

Далеко отстоит от нас время Грибоедова, но смелая борьба патриста-новатора Чацкого против всего отсталого, пошлого и низкого в человеке вызывает сочувствие и симпатию читателя и зрителя.

С. Петров